

УДК 316.613

ПРОБЛЕМА РЕЛЕВАНТНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю.Б. Ставропольский

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии
E-mail: StJulius@yandex.ru

Статья обращена к актуальной проблеме объяснения процессов, связанных с межгрупповым поведением. Проблема релевантности возникает не по поводу необходимости разграничения фенотипического и генотипического. Сложнее разграничить «индивидуальное» и «общее» социальное поведение. Необходимо выработать такую систему интерпретации, которая была бы адекватна многим проблемам, решаемым социальными науками, и было бы неприменимо разделение на «общее» и «индивидуальное».

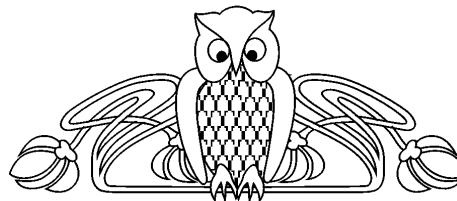
Social Psychological Researches' Relevance Problem

Yu. B. Stavropolsky

This paper targets an urgent problem of interpreting processes associated with intergroup behaviour. The matter of relevance emergence not according to a necessity of distinguishing the phenotypic vs. the genotypic. It is harder to draw a line between «individual» and «common» social behaviour. This demands developing such an interpretation system, which would be adequate for multiple issues being solved by social sciences, and which the separation between the «general» vs. the «individual» would be inapplicable to.

Одна из самых важных социально-психологических проблем – объяснение процессов, связанных с межгрупповым поведением. Эту проблему нельзя назвать ни чисто «прикладной», ни чисто «теоретической», поскольку она затрагивает основные характерные особенности человеческого поведения в рамках таких детерминант, как «социальный контекст» и «релевантные свойства социального окружения».

Попытки объяснить некоторые аспекты межгруппового поведения с позиций теории фрустрации-агрессии как типичной социально-психологической теории «среднего уровня»¹ не являлись адекватными, потому что в них не делалось различия между тем, что является «своей», а что – «чужой» группой. Р. Левин показал тесную зависимость агрессии в отношении «чужой» группы от той формы социальных взаимоотношений, которые преобладают внутри «своей» группы, а также

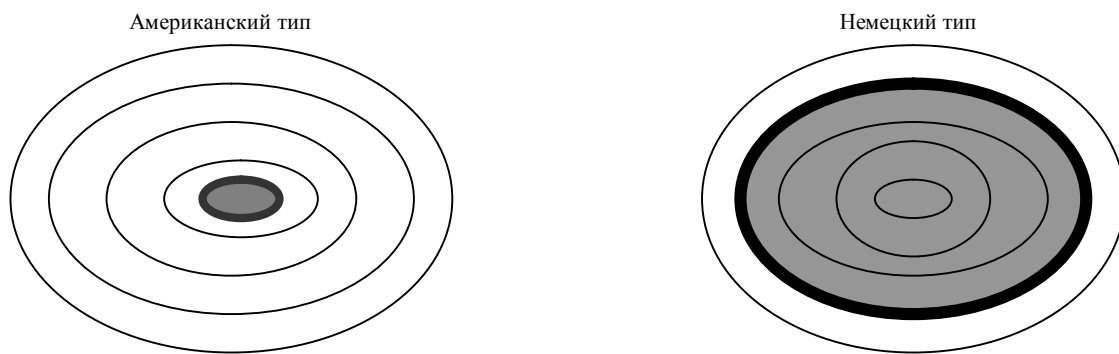

невозможность эффективного прогнозирования проявлений агрессии без анализа этих взаимоотношений².

Законы, выражающие существующие в социальном поведении соотношения и закономерности, имеют область применения, выходящую за рамки индивидуальных особенностей поведения – ни одна научная теория не занимается исследованием индивидуальных комплексов неизвестных, непознаваемых и неконтролируемых переменных. Намного важнее обнаружить и раскрыть основополагающие процессы, или, в терминологии К. Левина, соответствующие различия между генотипическим и фенотипическим. Именно потребность в выделении генотипических аспектов социального поведения побуждала К. Левина к настойчивому использованию экспериментальных методов и тем самым предопределила глубокое влияние его идей на последующее развитие социальной психологии.

Проведя измерения с использованием теста Э. Богардуса на определение социальной дистанции, К. Левин пришел к выводу о том, что центральная сущность личности американца окружена более легко проницаемыми периферийными слоями, чем личность немца³ (рисунок).

Заштрихованная часть рисунка соответствует «частной» сфере личности. Толщина пограничной линии между уровнями личности репрезентирует различия в проницаемости. Этим, как считал К. Левин, объясняются различия в реагировании американцев и немцев на то, что можно было бы назвать «беспокоящие ситуации» (annoying situation). Американцы более склонны задаваться вопросом о том, что следует делать, чтобы выправить положение, тогда как немцы – вопро-

Структура личности американца и немца

сом, кто виноват. Все это означает, что с американцами можно иметь довольно близкие отношения на многих уровнях, но без глубокой личной дружбы, меньше опасности возникновения трений в отношениях, поскольку в них задействована лишь малая часть структуры личности.

Трудности возникают не по поводу необходимости разграничения фенотипического и генотипического – различие между ними очевидно. Сложнее разграничить «индивидуальное» и «общее» социальное поведение. Фактор обусловленности социального поведения совместными социальными ожиданиями редуцирует различия между «индивидуальным» и «общим». Единственно возможным способом интерпретации наблюдаемых закономерностей социального поведения становится их интерпретация с учетом взаимодействия между общими процессами и тем социальным контекстом, в котором они осуществляются⁴. Необходимо учитывать ту степень, в которой социальные ожидания являются разделяемыми и в какой они влияют на поведенческие паттерны. Соответственно необходимо выработать такую систему интерпретации, которая была бы адекватна многим проблемам, которые решаются социальными науками и к которой было бы неприменимо разделение на «общее» и «индивидуальное».

Такая интерпретация должна быть направлена на уточнение взаимоотношений между общим процессом социального поведения и теми условиями, при которых он осуществляется, либо на выявление «фенотипических» различий, под которыми скрыто «генотипическое» сходство, и наоборот. Таким образом, наблюдаемые закономерности

поведения в социально-психологическом эксперименте находятся где-то между общим случаем и непознаваемым индивидуальным случаем. Необходимость учитывать и анализировать контекстные и фоновые условия, детерминирующие субъективное восприятие того, что является социально одобряемым поведением, неизбежно делает любое социально-психологическое исследование «культурным» исследованием, а в зависимости от теоретических задач, поставленных в эксперименте, оно может превратиться в «кросс-культурное»⁵.

Социальное поведение представляет собой континуум, проходящий от биологического полюса к социологическому через промежуточные узловые точки, представленные психологией и социальной психологией. Очевидно, что все эти «уровни» взаимодействуют друг с другом, что не один из них нельзя изучать без учета всех остальных.

Г. Тэджфел выделяет два подхода к изучению проблем взаимоотношений между социальным изменением и социальным конфликтом⁶. Первый подход состоит в редуцировании объяснения этих взаимоотношений к законам функционирования только одного условия уравнения – это либо биологический, либо психологический, либо социологический редукционизм. Второй подход состоит в том, чтобы определенные вещи считать самими собой разумеющимися и начинать непосредственно на более высоком уровне. Например, невозможно отрицать, что социальное поведение человека детерминировано генетическими и физиологическими свойствами человеческого организма, характеристиками обучения, восприятия и мотивации и теми социальными условиями, в которых он живет.

Благодаря наличию когнитивных способностей, человек может выбирать между различными возможными вариантами поведения, которые ведут к изменению окружающего *инвайронмента*. Выбор вариантов детерминирован законами функционирования и организма, и инвайронмента, но непосредственно из них не выводится; например, потребность в аффилиации может привести как к продолжительным войнам, так и к миру во всем мире; потребность в сохранении самоуважения может привести к чему угодно, от саможжения до создания гигантской империи бизнеса. На основании факта существования экономической депривации сложно предсказать вероятные реакции, если неизвестен набор вариантов, которые доступны для людей.

Анализ морального развития ребенка, проведенный Ж. Пиаже⁷, не связан ни с законами инструментального научения, ни с законами вторичного подкрепления. Он построен на анализе взаимодействий между когнитивными процессами прогрессирующего смещения центра, характером межличностного взаимодействия в социальном окружении, группы ровесников, благодаря которым эти процессы осуществляются, и изменения характера этой группы, вызываемого, в свою очередь, смещением когнитивного центра.

Г. Тэджфелл проводит интересную параллель между тем, как рассматриваются данные формы интеракции Ж. Пиаже и Л. Фестингером. Ж. Пиаже обобщенно, в одной фразе характеризует ассимилирование новых стимулов ранее возникшими сенсорно-моторными схемами почти библейской фразой: «вначале была реакция»⁸. Смысл этой фразы в том, что стимул становится доступен опыту, обретает значение и кодетерминирует реакцию только в той мере, в какой он ассимилирован организованными системами, играющими опосредующую роль между организмом и окружающей средой, обуславливающими наши знания об окружающей среде и нашу способность абстрагироваться от сиюминутных свойств среды благодаря использованию обратимых когнитивных операций⁹.

Л. Фестингер предположил существование стимула к поддержанию когнитивной согласованности, существенно расходящееся с общепринятым теоретическим подходом.

Как и для Ж. Пиаже, для него «вначале была реакция». Анализ Л. Фестингером обратной связи между реакцией и ранее сложившимися когнитивными структурами привел его к выводу о том, что характер обратной связи детерминирован отношениями консонантности – диссонантности между значением реакции и существовавшими до этого структурами. Это смысловое взаимоотношение, в свою очередь, детерминирует последующие структурные модификации и тем самым влияет на характер последующих реакций. Центральной темой обеих теоретических концепций является природа взаимоотношений между требованиями, предъявляемыми окружением, существовавшими ранее организованными структурами внутри организма, и изменениями в поведении, вытекающими как из изменений в организме, так и из изменений в окружении.

Социальный контекст, в котором формируются и модифицируются структуры, сообщает им уникальное свойство – на когнитивном уровне они могут быть совместными для нескольких индивидов. Как писал Ж. Пиаже о смещении когнитивного центра, с психогенетической точки зрения эти межличностные или социальные (но не наследственные отношения) образуют новую реальность через соотнесение с мышлением индивида, которое без такого соотнесения испытывает всевозможные эгоцентрические деформации, и необходимое условие формирования эпистемического субъекта когнитивной децентрации¹⁰.

В этом смысле способность индивида формировать совместные с другими индивидами представления на когнитивном уровне, способность воспринимать мир и действовать в нем так, как предопределено социальной историей и наличием других людей, с позиций «когнитивного смещения центра» является неотъемлемым условием социальной человеческой жизни. Бинокулярное зрение или вторичное подкрепление зависят от физиологических возможностей организма и обратной связи между реакциями и окружающей средой. Но в присущих только человеку когнитивных особенностях, позволяющих ему встать на место другого и охарактеризовать самого себя с позиций социального взаимодействия, заключено то, что

разделяет сферы человеческого социального, человеческого несоциального и социального нечеловеческого¹¹.

Между теми, кто склонны сводить объяснение социального поведения к несоциальным законам (обучения и мотивации), и теми, кто не видят в таком редуцировании эвристической ценности, отсутствует взаимопонимание. Редукционистская модель человеческого социального поведения, в которой другие люди выступают в роли не более чем «социальных стимулов», «реакция» на которые осуществляется в соответствии с теми же самыми законами, которые управляют поведением в других обстоятельствах отражена в концепции Дж. Хоманса. Он писал, что положения поведенческой психологии считаются применимыми ко всем людям и излагаются с позиций поведения одного человека, независимо от того, что является стимулом: другой человек или физическое окружение. При взаимодействии двух или большего количества людей возникают явления, которые можно назвать социальными, отличающиеся от взаимодействия изолированно рассматриваемого человека с физической средой, однако для объяснения этих явлений не выдвигается никаких новых положений¹².

Способность индивидов формировать общие представления на когнитивном уровне Г. Тэджфел характеризует с позиций индивидуальных ожиданий и оценок в отношении поведения других людей¹³. Они представляют собой индивидуальные аналоги систем норм и ценностей, то есть тех понятий, которые используются на другом уровне анализа в социологии и социальной антропологии. Важно и в то же время очевидно, что не существовало бы ни социальных групп, ни социальной психологии без того, чтобы ожидания относительно поведения других людей, как и ожидания других людей относительно собственного поведения индивида, оправдывались хотя бы в малой степени. Кроме того, необходима хотя бы минимальная доля общих ценностей.

Объяснительная система «поведенческих положений» Дж. Хоманса является крайним и соответственно нетипичным выражением психологического редуционизма. Задача, которую решает ученый, состоит в

обеспечении научного объяснения и предсказания социального поведения, которое, с точки зрения Дж. Хоманса, возможно при условии, что поведенческая психология обладает достаточным знанием о прошлом индивида и может объяснить то, каким образом индивид усваивает ценности¹⁴.

На самом деле, как отмечает Г. Тэджфел, в экспериментальных условиях объяснение и предсказание функционально расходятся – объяснение становится возможным только постфактум, а диапазон предвидения строго ограничивается двумя категориями. Первое основание для предсказания состоит в том, что при условии повторяемости определенных ситуаций, социальное поведение будет приблизительно таким же, как в прошлом. Второе – предположение о том, что другие люди разделяют нашу систему ценностей, и поведение их будет таким, каким было бы наше собственное поведение. Поэтому существует возможность для предсказаний на основе экстраполяции нашего собственного опыта. Вторая альтернатива является существенным методологическим недостатком представленной Дж. Хомансом «поведенческой психологии».

Итак, какую бы социальную единицу мы ни рассматривали, система разделяемых и социально одобряемых понятий составляет ту основу, опираясь на которую можно описывать и прогнозировать человеческое поведение. Как только происходят какие-либо изменения в окружении, затрагивающие индивида как такового, либо его маленький частный социальный мир, либо социальный мир в широком масштабе, либо характеристики физической окружающей среды – некоторые ожидания не оправдываются, некоторые совместные ценности оказываются поколебленными. Необходимо изменить либо систему представлений, либо инвайронмент для того, чтобы сохранить систему представлений неизменной. В условиях конфликта между ожиданиями и ценностями у индивида появляются новые альтернативы для выбора. Те процессы, которые лежат в основе этих альтернатив и тем самым формируют психологические аспекты социального изменения на всех уровнях, и являются настоящим предметом изучения социальной психологии¹⁵.

Примечания

¹ См.: *Deutsch M., Krauss R.M.* Theories in Social Psychology. N.Y.: Basic Books, 1965.

² См.: *LeVine R.A.* Socialization, Social Structure and Intersocietal Images // *International Behaviour: A Social Psychological Analysis* / Ed. H. Kelman. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1965.

³ См.: *Marrow A.J.* The Practical Theorist: The Life and Work of Kurt Lewin. N.Y.; L.: Basic Books, Inc., Publishers, 1969. P.99.

⁴ См.: *Tajfel H.* Experiments in a Vacuum // *The Context of Social Psychology. A Critical Assessment* / Ed. by Israel J. and Tajfel H.L.; N.Y.: Academic Press, 1972. P.74.

⁵ Ibid. P.75.

⁶ Ibid. P.108.

⁷ См.: *Piaget J.* Judgment and Reasoning in the Child. L.: K. Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd.; N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1928.

⁸ См.: *Piaget J.* Biology and Knowledge: An Essay on the Relations between Organic Regulations and Cognitive Processes. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1971. P.17.

⁹ См.: *Tajfel H.* Op. cit. P.109–110.

¹⁰ См.: *Piaget J.* Biology and Knowledge. P.413.

¹¹ См.: *Tajfel H.* Op. cit. P.111.

¹² См.: *Homans G.C.* The Relevance of Psychology to the Explanation of Social Phenomena // *Explanation in the Behavioral Sciences* / Ed. by R. Borger and F. Cioffi. L.: Cambridge University Press, 1975. P.323–324.

¹³ См.: *Tajfel H.* Op. cit. P.111–112.

¹⁴ См.: *Homans G.C.* Op. cit. P.322.

¹⁵ См.: *Tajfel H.* Op. cit. P.111–112.